

⁹¹ Голос минувшего. 1915. № 2.

⁹² Русская мысль. 1914. № 12.

⁹³ Голос минувшего. 1915. № 2.

⁹⁴ Русская мысль. 1914. № 8–9.

⁹⁵ Там же. № 12.

⁹⁶ Коральник А. Германская идея // Русская мысль. 1914. № 12.

⁹⁷ Гримм Э.Д. Пьяные илоты... // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 92.

⁹⁸ Русская мысль. 1914. № 12. С. 180.

⁹⁹ Козловский Л. Указ. соч. С. 94.

¹⁰⁰ Франк С. Указ. соч. С. 129, 132.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Был ли Горький «пораженцем»?

*(По материалам публицистики
эпохи Первой мировой войны)*

«По улицам тянутся патриотические демонстрации к Зимнему дворцу. Высоко подняты над толпой портреты “обожяемого монарха”. Трехцветные национальные флаги хлещут воздух. И тут уже не переодетые городские, идет подлинная “святая русская интеллигенция”, от кадетов до меньшевиков»¹. Так описывал современник поведение русского общества после известия о начале Первой мировой войны. Многие представители интеллигенции, в том числе прогрессивные общественные деятели, писатели и ученые, наперебой торопились высказать свою поддержку царскому правительству. Это было ответом на призыв власти к полному единению всей России перед лицом военной опасности.

Тем не менее полного единения не получилось, ибо общество накануне надвигающейся революции было расколото на два противостоящих друг другу лагеря: тех, кто всеми силами пытался спасти Россию от революционных потрясений, и тех, кто считал, что социальная революция неизбежна и активно ее готовил. Соответственно разным было и отношение к войне. Страна разделилась на «оборонцев» и «пораженцев». Первые объединяли наиболее многочисленную часть общества, включая не только правые силы, но и либеральную интеллигенцию: кадетов, эсеров, меньшевиков. На другом фланге оказались большевики-ленинцы и не примыкающие к ним, но идейно близкие «интернационалисты». Считая войну империалистической, развязанной в целях передела сфер влияния между крупными национальными корпорациями, они призывали не к единению всех сил во имя победы той или иной страны, а к единению пролетариев всех стран на пути к мировой революции.

С первых же дней войны правительство сделало все, чтобы в печать не проникали антивоенные настроения, а все выходящие в России издания откликались на события в позитивном духе. 20 июля (2 августа) 1914 г. было принято «Временное положение о военной цензуре» и сразу же последовали карательные меры против газет и журналов, занимающихся антимилитаристской пропагандой. В первые дни войны была закрыта кадетская «Речь», прекратила свое существование легальная рабочая пресса. Репрессии приняли такой размах, что не удалось спасти даже журнал «Вопросы страхования». Большевики продолжали работу в подполье, выпуская рабочие листовки, то и дело меняя названия газет.

В этой обстановке либеральная интеллигенция, по словам В.И. Ленина, стала состязаться в «патриотизме с черной сотней»². Издатели газеты «Речь» обратились к Николаю II с верноподданническим письмом, в котором обещали «содействовать печатным словом объединению всего русского общества, без различия направлений, в общем чувстве беззаветной готовности защищать родину и оберегать ее честь»³. После этого они добились разрешения возобновить выпуск газеты.

Какую же позицию занял в годы войны М. Горький, вернувшийся в Россию с Капри к новому 1914 году? Живя в Европе с 1906 г., встречаясь и переписываясь с В. Лениным, тесно общаясь с большевиками-интернационалистами (А. Богдановым, В. Базаровым, А. Луначарским и др.), он бесспорно понимал, что война неизбежна, и с 1909 г. не раз говорил об этом в своих письмах. Накануне ее начала он писал Е.П. Пешковой: «Последние дни особенно кипит все вокруг: волнения рабочих, ожидание войны...»⁴ И в тот же день сообщил Амфитеатрову о преобладающем настроении русского общества: «Очень боимся войны, но и желаем оной. Боязливо желаем, говоря точнее, но лишь потому, что тайно мыслим: м.б., война даст нам или укажет, или пробудит. Сами же ни взять, ни усмотреть, ни проснуться – не можем, как видно» (11, 118). Горьковская ирония понятна: проповедник активности и «буревестник революции», он в эти годы в своих публицистических статьях резко выступал против «азиатской пассивности» народа, его долготерпения и покорности.

Известие о начале войны Горький воспринял как мировую катастрофу, крах европейской культуры. 20 июля (2 августа) 1914 г. он писал И.М. Касаткину: «Я давно – года три – как убежден был в неизбежности общеевропейской войны, считал себя подготовленным к этой катастрофе, много думал о ней, но – вот она разразилась, и я чувствую себя подавленным, как будто все случившееся – неожиданно. Страшновато за Русь, за наш народ, за его будущее, и ни о чем, кроме этого, не думаешь» (11, 119). И через несколько дней С.П. Подъячеву: «...работать – негде, да и – какая теперь работа, когда день начинается мыслью о том, где и сколько перебито людей, до ночи эта мысль сосет и сушит душу, с нею, как с ведьмой, ложишься спать? Не до беллетристики» (11, 124).

Действительно, в художественных произведениях писателя почти нет непосредственных откликов на военные события. Исключением являются две сатиры из цикла «Русские сказки», написанные в декабре 1914 г. В XIII сказке дается сатирическое изображение братания народов, которым война слишком дорого обходится. Кузмичи (русские) и Лукичи (немцы) то и дело вступают в драку, но каждый раз, считая прибыли-убытки, удивляются: «Ему, Лукичу-то красная цена – семь копеек, а убить его рупь семь гривен стоило!» «Живой Кузмич даже по самоличной оценке ни гроша не стоит, а уничтожить его – девяносто копеек вышло!» «А купечество ихнее, мошну набивая, кричит: “Ребята, спасай отечество! Отечество дорогого стоит!”»⁵

Решив, что нужно «побольше оружия завести, тогда война скорее пойдет и убийство дешевле стоить будет», народы дошли до того, что деревни сожгли, города уничтожили, а пятилетних младенцев заставили из пулеметов палить. Но убытки только возросли. Тогда они собрались на разных берегах реки, дипломатов в воде утопили и решили жить по-братски, тихо, мирно, а военное дело совсем забросили.

Герой XIV сказки – «смирненно-упрямый человек Ванька» (русский народ), которому барин то и дело приказывает идти Россию спасать: то от поляков, то от Бонапарта. Ванька послушно слезает с повети, спасает, а воротившись домой, обнаруживает,

что повети-то нет и на избе крыша провалилась. Тем не менее он опять ложится спать на сто лет и даже сны видит хорошие, хотя «жрать нечего». Тут его будит стражник, который кричит: «Айда Европу спасать!»; «Немец обижает». «Пошел, начал спасать – тут немец ему ногу оторвал. Воротился Ванька на одной ноге, глядь – избы нет, ребятишки с голоду подошли, на жене сосед воду возит.

– Ну и дела-а! – удивился Ванька, поднял руку, затылок почесать, а головы-то у него и нету!»⁶

Сопоставим сатирический пафос этих «сказок» с письмом Горького М.Ф. Андреевой от 9 (22) сентября 1914 г., в котором, возмущаясь разрушением Реймского собора, Лувэна, Шантильи и другими жертвами войны, писатель высказывает мысль о том, что «война на целое столетие облечет мир броней железной злобы, ненависти всех ко всем, она вызовет жажду мести у побежденных, презрение победителей», а главное, убьет «интернациональный социализм». Ведь если «товарищ Жан изувечит товарища Ганса – как они встретятся потом, как можно говорить им об интернационализме интересов демократии» (11, 126).

Будучи интернационалистом, Горький в оценке военных действий исходил из убеждения в том, что Человек является ценностью гораздо большей, чем безудержная погоня за прибылью. Иронизируя над Кузьмичами и Лукичами, писатель призывал европейские народы покончить с кошмаром войны собственными силами, а русский народ – начать наконец думать об устройстве собственного дома, а не о спасении Европы.

В начале ноября 1914 г. Горький участвует в сборе пожертвований для разоренной войной Бельгии. В «Воззвании к населению», опубликованном в «Киевской мысли», он пишет о «светлых началах европейской культуры», о великих гуманистических идеях, которые не должны забываться в дни войны. Называя кровавую бойню «мировой катастрофой», Горький выражает надежду, что в сердцах людей живы «идеи братства народов, убеждение в конечном торжестве разума, справедливости». Писатель говорит о необходимости возникновения чувства солидарности у народов разных стран, «о великих интересах планетарной культуры, о духовных ценностях, единых для всего мира»⁷.

Публицистика Горького, созданная в период Первой мировой войны, насчитывает несколько десятков произведений – от «Воззвания к населению» и «К русскому обществу» против притеснения евреев (1 марта 1915 г.) до цикла «Несвоевременных мыслей» и «Обращения к народу и трудовой интеллигенции» от 30 ноября 1918 г., начинающегося словами: «Война кончена». Их проблематика многообразна, но идея одна – отчаянный протест против войны, губящей не только планету, но и самого человека.

В октябре 1914 г. Горький задумал цикл статей на современную тему с предположительным заглавием «Несвоевременное», которые хотел опубликовать в «Русском слове». Заглавие было явно ориентировано на одноименные «размышления» Ф. Ницше, труды которого повлияли не только на раннее творчество писателя. Подчеркивая преемственную связь с наследием немецкого философа, Горький-западник демонстрировал свое уважение к европейской культуре в дни национал-шовинистического угара, когда велась оголтелая кампания травли всего немецкого: толпа громила германское посольство, разоряла немецкие магазины, сжигала книги. Цикл был задуман как протест против бессмысленной вражды народов, против зверств и разрушений, где бы они ни происходили.

Одна из статей начиналась так: «Жгут библиотеки, грабят драгоценные коллекции, разрушают великие памятники культуры – немцы. Это очень образованная нация, она, несомненно, культурнее нас, мы у нее целое столетие учились философствовать и вообще – учились. Я понимаю, что несвоеременно говорить так во дни, когда немец стал у нас синонимом дикаря и зверя. Но я думаю, что война – хуже немца и полагаю, что живой человек – немец страдает от нее не менее тяжело, чем живые люди иных наций»⁸.

Слова Горького звучали несвоеременно в обстановке все возрастающей ненависти к «германизму», многочисленных публичных утверждений о том, что немецкая культура неотделима от милитаризма, а философия Канта породила практику оружейных заводов Круппа. Выступая на заседании Религиозно-философского общества 6 (19) октября 1914 г., В.И. Иванов заявил: «Современная германская культура не что иное, как всеобъемлющая организация

германской воли к порабощению мира»⁹. Можно предположить, что задуманный Горьким цикл из трех статей на современную тему о немцах был ответом на выступления Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.И. Иванова, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и других мыслителей, увидевших в «священной войне» признаки духовного возрождения России и ее особую спасительную миссию в европейском мире. Пангерманизму был противопоставлен панславизм, во имя торжества которого должна была вестись война «до победного конца».

Под флагом «русского возрождения» в стране воскрешали идеи особого исторического пути России, ее мессианского предназначения и национальной самобытности народа. Патриотизм, ставший синонимом шовинизма и военной экспансии, для Горького звучал как бранное слово. 30 ноября (13 декабря) 1914 г. он писал В.С. Войтинскому: «Идут разговоры о духовном слиянии “Великой России” со “Святой Русью”, о мистических началах национализма, о мессианстве третьего Рима, о том, что Русь – носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации. Травля немцев носит совершенно сумасшедший характер, хотя националисты оперируют идеями Фихте, Шеллинга, Шлеермахера» (11, 137).

Говоря о том, что война популярна в чайных, дешевых трактирах и на улице, писатель посетовал, что в народе царит «полная неосведомленность о причинах войны, убеждение, что война начата Германией, недоверие к факту, что Германия неизбежно должна была начать войну, была вызвана к войне, непонимание роли Англии и вообще наших “союзников”» (11, 137). Во второй статье цикла, предназначенного для «Русского слова», Горький писал: «...эта страшная война была неизбежна вследствие темных предначертаний неразумной силы капитализма, она свидетельствует о временном параличе разума и воли не только у немцев, но вообще у всей Европы. Война – явление позорное и глупое, не говоря о ее преступности; война – это праздник той глупости, против которой так долго боролось разумное человечество, в том числе и немцы»¹⁰.

Если сделать скидку на цензурные рогатки, через которые должна была пройти статья, мысль писателя просматривается от-

четливо: в Первой мировой войне виноваты империалистические силы, вступившие в схватку за передел сфер влияния в мире и контроль над финансовыми потоками. Развивая эту мысль в другой статье цикла, Горький писал: «Война – безумие, это кара людям за их жадность. Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку»¹¹. Следом он сделал столь же нецензурный, сколь и несвоевременный вывод: «...неразумная сила капитализма создала против воли и разума людей такие условия, которые могли быть разрешены только войной, общеевропейской катастрофой»¹².

16 (29) октября 1914 г., сообщая Е.П. Пешковой об окончании работы над тремя статьями, Горький заметил: «...я думаю, что писал напрасно, – цензура не пропустит» (11, 134). Цензура действительно не пропустила не только цикл, но и следующую статью под названием «Несвоевременное», отправленную в газету «День». В Архиве А.М. Горького сохранились ее гранки, датированные 4 декабря 1914 г., текст которых крест-накрест перечеркнут военным цензором. В этой статье писатель резко критиковал Ф. Сологуба, М.П. Арцыбашева, А.И. Куприна и Л.Н. Андреева, которые выражали свое мнение о немцах как полчищах «диких некультурных гуннов», призывая уничтожить их «до конца». Горький упрекнул писателей в том, что, потеряв себя в череде кровавых событий, они присоединяются к мнению улицы и повторяют те слова, которые «умножают ненависть». Он писал: «Четверо наиболее крупных писателей, люди влиятельные на Руси, высказались о своем враге-немце беспощадно и жестоко. Все они единодушно говорят, что немец – урод, зверь, чудовище. Они осуждают не солдат, не один какой-либо класс, а целую нацию»¹³.

Последняя статья носила название «Какovy задачи печати во дни войны?». Она тематически примыкала к «Несвоевременному» и развивала тему ответственности писателя за проповедь жестокости и садизма, восхищение кровавыми сценами военных сражений. Писатель утверждал, что ненависть к врагу не может пробудить в народе высокое чувство любви к родине. Он писал: «Необходимо внушать людям, что решение споров между ними пу-

тем вспарывания животов, дробления черепов и разрывания врага на кусочки – это безобразно, противно. <...> задача печати в наши дни – возбуждать органическое отвращение к убийству, бороться против садизма, страсти к мучениям»¹⁴. Выступая как гуманист и интернационалист, Горький одобряет лишь войну «с чудовищем глупости, жадности, лицемерия и жестокости...». Призывая к созданию «планетарной культуры», он уповаает на «высшую силу», которой «должна служить печать – РАЗУМ»¹⁵.

В 1915 г. у Горького возник новый замысел – выпустить серию брошюр на тему «Государства Западной Европы перед войной», чтобы разъяснить причины Первой мировой войны и ее истинные цели. Предложив историку М.Н. Покровскому стать редактором серии, он сам составил типовую программу, в которой говорилось: «Ни одному государству Европы не может быть предъявлено обвинение в том, что общеевропейская война вызвана именно его волею. Создателем условий, влияние которых сделало катастрофу неустранимой и неизбежной, является современный интернациональный капитализм – оба типа его, промышленный и финансовый. Основная и скрытая цель войны – стремление к захвату и разделу материков Азии и Африки. Колониальная политика имеет в виду не столько новые рынки, сколько необходимость создания таковых, – никто не думает, что коренное население Африки и Азии может теперь же явиться солидным потребителем дорогих европейских фабрикатов. Колонии как поставщики сырья, металлов и топлива»¹⁶.

Общей целью серии, по замыслу Горького, было «составить обвинительный акт против капитализма как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф»¹⁷. В плане, который составил писатель, были следующие темы: «Англия накануне войны»; «Германия накануне войны»; «Франция накануне войны»; «Роль Азии и Африки в общеевропейской войне»; брошюры об Италии, Турции и странах Балканского полуострова, наконец, обобщающая тема – «Современная жизнь и роль финансового капитала в ней».

К работе над брошюрами, которые должны были выйти в горьковском издательстве «Парус», были привлечены, помимо

М.Н. Покровского, А.В. Луначарский, И.М. Херасков, Л. Владимиров (М.К. Шейнфинкель), Г.Е. Зиновьев (Радомысльский), М.П. Павлович (Вельтман), П.М. Керженцев (Лебедев), шли переговоры с Л. Д. Троцким (Бронштейном), Д. Мануильским, Х.Г. Раковским (Станчевым) и А.М. Коллонтай (Домонтович). Работу на общую тему согласился написать В.И. Ленин (Ульянов). Так возникла его брошюра «Новейший капитализм», впоследствии названная «Империализм как высшая стадия капитализма».

Уже в процессе редактирования брошюр обнаружилось расхождение во взглядах на войну между большевиками-ортодоксами и горьковскими единомышленниками. Как известно, идейные разногласия между Лениным и Горьким начались еще в период жизни писателя на Капри. Задумав создать школу для партийных пропагандистов (так называемая Каприйская партийная школа 1909 г.), писатель оказался в числе оппонентов Ленина, который резко осудил создаваемую А. Богдановым, В. Базаровым, А.В. Луначарским и другими группу «Вперед», к которой примкнул Горький. Высоко ценя труды так называемых левых большевиков, он сочувственно относился к философии эмпириомонизма, эмпириокритицизма и махизма, считая ее соответствующей последним достижениям научной мысли и подлинно марксистской¹⁸. Ленин, не допуская никаких попыток «ревизии марксизма», осудил группу «Вперед» как реакционную, что отразилось в его книге «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии» (М.: Звено, 1909).

Не удивительно, что начавшееся в 1909 г. расхождение во взглядах с большевиками-ленинцами отразилось и на отношении Горького к их работам на тему «Европа до и во время войны». Он отрицательно оценил брошюру Г.Е. Зиновьева «Австро-Венгрия», написав М.Н. Покровскому: «Позвольте, М.П., обратиться к Вам с убедительной и покорной просьбой: пожалуйста, возьмите на себя труд дописать брошюру до конца или, будьте добры, поручить этот труд другому, более опытному лицу, чем Зиновьев! Очень прошу об этом!» (12, 70–71).

Довольно критичным было отношение Горького и к работе Ленина. Автору предложили сильно сократить рукопись и изме-

нить заглавие. Конец брошюры, где содержалась критика Каутского, был сильно урезан. Возмущенный Ленин писал Инессе Арманд 18 декабря 1916 г.: «Рукопись моя об империализме дошла до Питера, и вот пишут сегодня, что издатель (и это Горький! о, теленок!) недоволен резкостями против кого бы вы думали? Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно и обидно»¹⁹. Из рукописи были исключены определения «каутскианства» как международного идейного течения, ревизиющего марксизм.

Напомним, что по отношению к войне К. Каутский в этот период занимал позицию, свойственную большинству европейских социал-демократов, голосовавших за военные кредиты и поддерживающих политику своего правительства. В статье «Социал-демократия во время войны» К. Каутский заявил, что в военное время нет места партийным разногласиям, а практический вопрос, который встает перед всеми, – «победа или поражение собственной страны». Он писал: «Социал-демократы всех стран имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества, ни одна нация не должна упрекать за это другую. <...> Все вправе и обязаны защищать свое отечество, истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией...»²⁰

Эту позицию Ленин назвал шовинистической, упрекнув Каутского в предательстве интересов рабочего класса и переходе на сторону буржуазии. В годы войны он яростно боролся с «рenegатством» социал-демократических деятелей в Европе и России, неизменно разоблачая их оппортунизм. В работах Ленина «Крах II Интернационала», «Социализм и война» изложены главные принципы, определяющие отношение большевиков к войне. Проводя грань между войной оборонительной и наступательной, он доказывал, что Первая мировая есть империалистическая война, ведущаяся в интересах крупных монополий за передел мира, поэтому истинные марксисты должны превратить ее в гражданскую, выдвинув лозунг поражения «своего» правительства в войне и помогая народам осознать это путем антивоенной агитации и призывов к братанию.

В статье «Мертвый шовинизм и живой социализм» Ленин писал о трех направлениях в международном социал-демократи-

ческом движении: «1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма <...>, которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами <...>. Часть гибнущих в этом третьем течении может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, “защиту отечества”, “подчинение законам военного времени”, удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны»²¹.

Нет сомнения, что Ленин относил Горького к третьей категории и всеми силами пытался вновь сделать его своим союзником. В статье «Автору “Песни о Соколе”» он упрекал писателя за то, что тот подписал протест против немецкого варварства, и назвал это обращение «шовинистически-поповским». Речь шла о воззвании «От писателей, художников и артистов», опубликованном в газете «Русское слово» (1914. № 223), которое подписали известные академики и деятели культуры, в том числе Ф. Шаляпин, В. Васнецов, К. Коровин, С. Меркуров, А. Серафимович, Скиталец и др. Среди них был и П. Струве, что дало повод Ленину возмущенно воскликнуть: «...сознательные рабочие, которые понимают всю фальшь и пошлость этого лицемерного протеста против “варваров-немцев”, не смогут не упрекнуть автора “Песни о Соколе”. Они скажут ему: “в трудную ответственную минуту, которую переживает сейчас российский пролетариат, мы ждали, что вы будете идти рука об руку с передовыми его борцами, а не с господином Струве и Ко!”»²²

Редактирование рукописи брошюры «Новейший капитализм» Ленин воспринял как поддержку «каутскианства», которое он считал «примирительно-слащавым оппортунизмом», а следовательно, злейшим врагом революционного пролетариата. О его возмущении Горький узнал от Покровского и ответил в письме от 29 сентября 1916 г., что считает необходимым издать брошюру Ильинского (псевдоним Ленина), «но – вне серии». Назвав автора «умницей» и посетовав, что его очень не хватает на родине,

он признался, что теперь «приходится ориентироваться просто на порядочность, на мужество личного поведения, почти оставляя в стороне противоречия основного миропонимания» (12, 76–77).

Можно предположить, что Горький имел в виду «противоречия основного миропонимания» между ним и большевиками-ленинцами, которые все углублялись с течением времени и впоследствии с предельной остротой отразились в «Несвоевременных мыслях», написанных в 1917–1918 гг. Он и вправду понимал революцию не так, как Ленин, употребляя вместо понятия «классовая борьба» термины «культурно-политическое развитие», «интеллектуальное обогащение страны», отрицая насилие как средство создания нового мира и протестуя против превращения империалистической войны в гражданскую.

Оценка войны как массового безумия, призыв одуматься и остановить процесс уничтожения цивилизации и культуры звучит в цикле статей Горького «Письма к читателям», напечатанном в антивоенном журнале «Летопись» в 1916–1917 гг. Этот ежемесячный литературно-политический журнал, возникший по инициативе и при активном участии Горького, объединял вокруг себя демократически настроенные силы без различия политических взглядов. В первом номере говорилось, что новый орган будет вести наступление против всех форм идеологического оправдания войны, разоблачая ее империалистический характер и борясь «против национализма, империализма и всеобщего одичания». В журнале имелись разделы «Иностранная жизнь», «Внутреннее обозрение», «Философия», которые вели А. Богданов, В. Базаров, Ст. Вольский, Н. Суханов, М. Лурье и другие авторы, чьи взгляды были далеки от ортодоксально-большевистских.

Не случайно Ленин отозвался о «Летописи» враждебно, заметив: «Там какой-то архиподозрительный блок махистов с окистами. Гнусный блок!»²³ Он имел в виду неясность политического направления журнала, в котором сотрудничали главным образом меньшевики и так называемые интернационалисты во главе с А. Богдановым. Из номера в номер «Летопись» разоблачала фальшь и лицемерие российской прессы, восхваляющей войну и национальные интересы буржуазии. В сатирическом «Письме в

редакцию», озаглавленном «Нужны ли убеждения?», анонимный автор высмеивал Г.В. Плеханова, Г. Алексинского и В. Бурцева за резкую смену убеждений.

Цикл «Письма к читателю» состоит из четырех статей, объединенных раздумьем о причинах и следствиях европейской войны, о том, как она отражается на русском народе. Горький выступает в них как убежденный западник, считающий, что России нужно избавиться от «бесправия, безволия и беззаботности» по отношению к себе и «живым интересам страны». Он пишет: «Для того, чтобы нас не грабили, не унижали, не ездили верхом на наших шеях враги внешние и – особенно тяжелые – внутренние враги, нам необходимо заботиться не о мистической “последней свободе”, а о завоевании простейших гражданских прав. Надо попытаться сделать страну грамотной и в буквальном и в политическом смысле, необходимо разбудить и воспитать ее волю к жизни»²⁴.

Писатель возражает против призывов к России стать Востоком и строить свою культуру «на высоких мистических откровениях, ведущих народы к миру и любви». За этими словами он усматривает попытку рассматривать Русь как Африку, Индию или будущую колонию Англии. Желая пробудить страну духовно, он ратует за действенное, а не пассивно-созерцательное отношение к жизни и предлагает подумать о той правде, которую родила война. Критикуя «маниловский оптимизм неожиданных “патриотов”», писатель замечает, что «никогда еще словоблудие не разливалось по Руси столь широким потоком, как разлилось оно в начале войны. Хвастовство русской мощью, “бескорыстием русской души” и прочими качествами, присущими исключительно нам, – хвастовство в стихах и прозе оглушало, словно московский колокольный звон. И, как всегда, в моменты катастроф, громче всех кричали жулики»²⁵.

Замечая признаки социального распада и гниения, порожденные войной, Горький призывает русский народ встать на ноги и приняться за строительство новой жизни. Во второй статье цикла писатель продолжает разговор о той правде, которую родила война. С горечью он признает, что Россия переживает не только экономическую разруху, но и социальное разложение. «Вполне возможен вулканический взрыв, который потрясет страну до основания

и завершит анархию полнейшим хаосом», – предрекает Горький за два месяца до Февральской революции²⁶. Размышляя о движущих силах грядущего переворота, он отрицает роль крупной буржуазии как политической силы, способной решить задачу социально-политического преобразования страны и уверенно заявляет: «...кроме демократии в нашей стране не имеется другой силы, способной взять на себя эту историческую задачу»²⁷.

Через все статьи цикла «Письма к читателям» проходит любимая горьковская мысль о том, что Человек – самая большая творческая сила в мире. Истребив и искалечив сотни тысяч молодых людей, война подорвала экономическую жизнь страны. В последней статье цикла, написанной уже после Февральской революции, Горький призывает русский народ к спокойной и дружной работе по укреплению нового строя жизни. Он пишет: «Знание должно быть демократизировано, его необходимо сделать общенародным, оно, и только оно, – источник плодотворной работы, источник культуры. И только знание вооружит нас самосознанием, только оно поможет нам правильно оценить наши силы и укажет нам широкий путь к дальнейшим победам»²⁸.

Мажорный тон статьи объяснялся восторгом автора от мысли о том, что русский народ «обвенчался со свободой», но этот тон вскоре сменился более трезвым. Трагическим предчувствием грядущих событий проникнуты письма Горького и его произведения, написанные в этот период. 11 марта 1917 г. он советует Е.П. Пешковой: «Не очень увлекайся, не позволяй себе поддаваться телячьему оптимизму и предостерегай других от этой болезни. Положение очень сложно и опасно. Лозунг “Долой войну” – идиотский лозунг в новых условиях. Победа немцев – победа реакции. На солдат не следует надеяться – это переодетые в шинели темные русские мужики, они не имеют никакого представления о моменте и не скоро поймут его значение. Могут понять, но – будет поздно. Затеваю с.-д. газету, большую и правую» (12, 122).

Обратим внимание на принципиальное расхождение горьковской позиции и тактики большевиков накануне Октября. Лозунг «Долой войну!» был выдвинут в тот момент Советом рабочих и солдатских депутатов, в котором большинство принадлежало

меньшевикам. Большевики тоже поддерживали его, увязывая при этом окончание войны с осуществлением социалистической революции. 17 апреля 1917 г., выступая на заседании солдатской секции Петроградского совета рабочих депутатов, Ленин сказал: «Всеобщий мир может осуществиться только через рабочую революцию»²⁹. В ленинских «Апрельских тезисах», которые не принял Горький, говорилось о неизбежном перерастании империалистической войны в гражданскую.

«Социал-демократическая газета», о которой упомянул Горький, это «Новая жизнь», выходившая с 18 апреля 1917 г. и закрытая советской властью 16 июля 1918 г. за постоянную критику политики большевиков. Как известно, именно в этой газете печатался цикл горьковских статей «Несвоевременные мысли» и заметки о революции и культуре, с которыми российский читатель смог познакомиться лишь в 1990 г., ибо они были запрещены в Советском Союзе³⁰. Горький называет новую газету «социал-демократической и *правой*», подчеркивая ее направление. В тот же день в письме редактору газеты «Русское слово» он опровергает слух о том, что организует радикал-демократическую партию и заявляет, что остается тем, чем был – социал-демократом» (12, 135).

Но «быть социал-демократом» не означало большевиком-ленинцем. «Новая жизнь» была анонсирована как «общественно-политическая демократическая газета», а ее сотрудники и члены редакции принадлежали к самым разным направлениям: Н. Суханов, А. Богданов, В. Базаров, Л. Мартов, П. Керженцев, Л. Красин, Ю. Стеклов, Ст. Вольский, Н. Рожков, В. Десницкий, Б. Авилов и др. Характерно, что Ленин сразу же после выхода первого номера газеты прореагировал на нее статьей с выразительным заглавием «С иконами против пушек, с фразами против капитала». Со временем «Новая жизнь», став органом «интернационалистов», все сильнее кренилась вправо, поэтому в августе 1917 г. большевистский ЦК РСДРП(б) обязал своих членов отказаться от сотрудничества с ней.

В редакционной статье «Наши задачи», помещенной в первом номере газеты, говорилось о том, что после победы Февральской революции стало неактуальным деление социал-демократов на разные фракции, а обновленная партия должна включать в себя

все оттенки интернационального социализма. Газета высказывалась за мир без аннексий и контрибуций, заключаемый законным путем, и считала, что Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов «должны пока поддерживать связь с буржуазным правительством, толкая его вперед по пути революции»³¹. Ленин сразу же обвинил новожизненцев в «чудовищной теоретической ошибке и политической слепоте, боязни диктатуры пролетариата и возвращении на позицию соглашательства с капиталистами»³². Как известно, в том же он упрекал К. Каутского и других деятелей международной социал-демократии.

На самом деле позиция Горького и большинства сотрудников «Новой жизни» была созвучна настроениям огромного числа европейских и отечественных писателей, переживших в годы войны глубокий духовный кризис и столь же страстно выступавших за мир. Сошлемся хотя бы на «Дневники военных лет» Р. Роллана и его публицистические выступления, собранные в книгах «Над схваткой» и «Предтечи». В антивоенных статьях Роллана («Ara pacis», «Распинаемым народам», «Над схваткой» и др.), которые в 1915 г. Горький читал в журнале «Северные записки» и газете «Русские ведомости», он находил близкие ему мысли о безумии мира, одержимого жадной военных завоеваний, о роли интеллигенции в дни войны и о том, что только свободная независимая мысль может изменить мир к лучшему.

В «Новой жизни» Горький напечатал более 40 статей, рецензий, обращений, посвященных главным образом теме спасения России от грядущей катастрофы. В статье «Революция и культура» он выразил надежду, что только «развитие интеллектуальных сил страны» может обновить жизнь и создать условия для духовного возрождения народа. Иными словами, понятие революция для Горького означало не диктатуру пролетариата, а прежде всего духовное развитие лучших черт человека, «всеобщее и всестороннее интеллектуальное развитие трудящихся». Во многих статьях звучит призыв не к революции, а к «упорной, неторопливой работе строительства жизни на новых справедливых началах»³³.

Тем не менее, кое в чем позиция Горького смыкалась с большевистской: он приветствует братание солдат на фронте, осу-

ждает приказ Керенского о наступлении, выражает надежду, что «проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т.е. демократии». Как истинный интернационалист, писатель верит, что победит не то или иное правительство, а «правда, рожденная стремлением людей к единству и неспособная служить позорному делу разжигания ненависти, вражды, делу истребления людей»³⁴. В статье «Три года» Горький пишет: «Сколько бы ни лгали лицемеры о “великих” целях войны, их ложь не скроет страшной и позорной правды: войну родил Барыш, единственный из богов, которому верят и молятся “реальные политики”, убийцы, торгующие жизнью народа»³⁵.

Антимилитаристские выступления писателя вызвали негативную реакцию в обществе и даже травлю, которая обрушилась на него со страниц патриотических и официозных изданий. Его называли немецким шпионом, изменником родины, пособником тех, кто разрушает Россию. К. Чуковский вспоминал, что Горькому присылали письма с угрозами и петлей из тонкой веревки: «Такая тогда установилась среди черносотенцев мода – посылать “пораженцу” Горькому петлю, чтобы он мог удавиться»³⁶. Обвинения в «пораженчестве» Горькому приходилось выслушивать постоянно. В статьях В. Бурцева «Или мы, или немцы и те, кто с ними», «Не защищайте М. Горького», «Мой ответ Горькому» говорилось о тех, кто помогал большевикам «делать дело разложения России», и теперь «работает над разложением России и развитием в ней анархии рука об руку с ленинцами». В списке имен большевистских лидеров, приведенных далее, на двенадцатом месте значился Горький. Бурцев пояснил, что писатель «явился вдохновителем такой пораженческой газеты, как “Новая жизнь”»³⁷.

Пораженческой считалась и антивоенная «Летопись» – детище Горького. В донесениях Петроградского охранного отделения Департаменту полиции она характеризовалась как журнал «большевистского, а значит, пораженческого характера». Авторы донесения подозревали, что Горький «ведет через Финляндию сношения с русскими эмигрантами-пораженцами, проживающими в Швеции и Норвегии», но даже они признали: «Петроградские большевики имеют свой руководящий коллектив, совершенно изо-

лированный от “Летописи”, к ее голосу не прислушиваются...»³⁸ В 1917 г. «Летопись» (№ 2, 3, 4), поместила на своих страницах вывод цензоров по поводу направления журнала: «“Летопись” следует отнести к числу пораженческих журналов», что тоже не способствовало прекращению травли Горького в обстановке широкой шовинистической кампании под лозунгом «Спасайте Россию!»

Близость горьковской и большевистской позиций по отношению к войне преувеличенно подчеркивалась в годы советской власти. В статье «В Петрограде во время войны» Р. Арский писал, что Горький задумал создание «интернационалистической и пораженческой газеты, которая формально не прикреплялась бы и не связывалась с партией, но фактически на деле проводила бы революционные и пораженческие лозунги»³⁹. А. Овчаренко в монографии «Публицистика М. Горького», постоянно говоря о серьезных ошибках писателя, якобы разделявшего «соглашательские иллюзии» буржуазных деятелей, тем не менее считает, что вплоть до Октябрьской революции «у Горького не было расхождения с большевиками в вопросе о главной «исторической задаче эпохи», а в вопросе о войне «он занимал позицию, отличавшуюся от позиции “новожизненцев”, приближавшуюся в ряде случаев к большевистской»⁴⁰.

Горький действительно, в отличие от многих «новожизненцев», не был противником социалистической революции, но считал ее преждевременной, опасаясь, что у большевиков не хватит сил, чтобы удержать власть, не хватит кадров и культурных сил для настоящего преобразования страны. Об этом свидетельствует его обращение «Нельзя молчать!», опубликованное в «Новой жизни» накануне октябрьского переворота. Призывая народ не поддерживать «бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков», Горький писал: «... повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл»⁴¹. Мысль о несвоевременности большевистского переворота он повторил и позже, утверждая: «В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по шучьему велению, сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов ино-

родцев-кочевников. От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс, ибо он – передовой отряд революции, и он первый будет истреблен в гражданской войне»⁴². Как известно, история впоследствии подтвердила опасения Горького.

В отличие от большевиков писатель заботился не о насильственном захвате власти и перерастании революции в гражданскую войну, а о культурной мирной работе, направленной на подлинное обновление жизни. В этом и состояло коренное различие их идейных позиций. Задачу культурного строительства в России Горький считал самой насущной. На ее выполнение была направлена вся деятельность писателя в годы войны и революции. Он пишет «Воззвание к русскому народу об охране дворцов», активно участвует в работе Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук, ведет большую работу в обществе «Культура и свобода», редактирует журнал «Наука и ее работники», наконец, становится во главе издательства «Всемирная литература» и Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ). Иными словами, несмотря на критику недостатков советской власти, которая продолжалась и после 1918 г., Горький оставался верен идеям культурной революции в России.

Написанная в 1919 г. статья «Интернационал интеллигенции» выражала его давнюю мысль о необходимости объединения всех разумных сил мира в борьбе против насилия и жестокости. Обращаясь к интеллигенции разных стран, Горький призывал ее объединиться, чтобы решить «вопрос о планетарном общечеловеческом значении интеллектуального начала в процессе истории»⁴³. Подводя итоги войны и вновь называя ее преступлением, «постыдной кровавой общеевропейской бойней», он напоминал, что война не вызвала ничего, кроме всеобщего одичания людей и националистического фанатизма. Он выражал надежду, что горькие уроки войны заставят интеллигенцию понять, что у нее есть только два пути: «с народом к радикальному изменению всех форм жизни или с капиталом для защиты отжившего строя»⁴⁴. Так рождалась горьковская мысль, с которой через несколько лет он обратится к интеллигенции Европы, предупреждая об опасности второй мировой войны: «С кем вы, мастера культуры?»

Имя Горького всегда было окружено легендами и мифами, многие из которых дожили до наших дней. В их числе убеждение в идейном единстве писателя с большевиками в годы Первой мировой войны, выразившемся в его «пораженчестве». На самом деле все было гораздо сложнее. Новые архивные материалы, опубликованные лишь в самом конце XX – начале XXI в., знакомство с запрещенными в СССР публицистическими работами писателя заставили пересмотреть многие, казалось бы, бесспорные положения советского литературоведения: о духовной близости Горького с Лениным и Сталиным, его безоговорочном принятии марксизма-ленинизма и постоянной поддержке политики советской власти.

Идейные разногласия с большевиками-ленинцами, начавшиеся в 1909 г. и особенно обострившиеся в период революции, наложили свой отпечаток на публицистику Горького военных лет. По меткому выражению В. Шкловского, писатель всегда жил «с собственным воздухом под крыльями»⁴⁵, что создавало ему бесчисленных врагов справа и слева. Только этим можно объяснить парадокс 1917–1918 гг., когда Горького одновременно упрекали в предательстве интересов России («пораженчестве») и в соглашательстве с буржуазными партиями. Большевики устами Сталина заявляли, что он «дезертировал из рядов революции в черную рать Бурцевых–Сувориных»⁴⁶, Бурцев называл его немецким шпионом, работающим вместе с большевиками, а сам он после Октября спасал Бурцева из тюрьмы, куда того посадили большевики. Поистине парадокс!

На деле все объясняется просто: Горький всю жизнь был пацифистом, гуманистом, интернационалистом и едва ли не последним в России просветителем. Добавим еще – романтиком и идеалистом. Свято веря в Разум, в поступательное движение истории к светлому будущему, он понимал социализм как новую религию масс, которая духовно обновит темную отсталую страну и даст простор всестороннему развитию человека. Признавая классовую борьбу как реальность, он искренне боялся, что в России диктатура пролетариата приведет к войне с собственным народом, т. е. с крестьянством. Иными словами, понятие революции наполнялось для него более широким смыслом, чем для большевиков, с которы-

ми он шел только до тех пор, пока любимый им красный цвет не превращался в потоки крови.

Исповедуя активность как главный жизненный принцип нового человека, о создании которого всегда мечтал, Горький критиковал пассивность, косность, долготерпение русского народа, получая в ответ упреки в народозлобии и предательстве интересов родины (статьи «Две души» и цикл «О русском крестьянстве»). Его интернационализм был своеобразным проявлением западничества, ибо писатель ориентировал Россию на строительство культуры и цивилизации по европейскому образцу. Именно поэтому Горький упорно твердил о роли Разума в страшные дни войны. Подобно лучшим представителям европейской интеллигенции, он не мог примкнуть к «оборонцам», защищавшим интересы капитала. О том же писал Р. Роллан в статье «Долг интеллигенции в борьбе с войной»: «В мировую войну европейская интеллигенция позорно капитулировала. Большинство, несомненно, считало, что совершает это в интересах родной страны и видело в этом поступке величайшую доблесть. На самом деле, изменив самой себе, она изменила своему народу. Интеллигенция, подобно марсовому на мачте, должна была смотреть вперед, не вникая крикам экипажа. А она покинула свой пост, чтобы смешаться с беснующейся толпой, и корабль, потеряв направление, стал игрушкой стихий»⁴⁷.

Подобно Роллану, Горький считал первым долгом интеллигенции задачу освещать человечеству путь в будущее, сохраняя при этом независимость суждений и зоркость взгляда. В отличие от большевиков, он смотрел вперед гораздо дальше, видя все сложности и ямы тернистого пути России. Ярлык «пораженца», надолго приклеенный ему сначала буржуазно-либеральными идеологами, потом – советскими литературоведами, не отражает истинного лица писателя. В статье «Три года», отвечая на упреки в «пораженчестве», Горький заметил, что противники войны – честные люди, гордость человечества, поэтому нельзя называть их изменниками родины и шпионами за антивоенные выступления. А вдохновителей и сознательных защитников войны он заклеил именем «негодяи всех стран», заметив, что для них «нет ни бога, ни дьявола»⁴⁸.

Попытки снять с Горького ярлык «пораженца» стали предприниматься только в начале XXI в. Публикуя статьи «Несвоевременное», И. Ревякина заметила: «Мысль писателя искала ответов на новые вызовы времени, обретавшего все большую сложность и драматизм»⁴⁹. Е. Никитин еще более определенно высказался о горьковских «Письмах к читателю»: «В начале войны страну захлестнула, скажем так, волна ложного патриотизма. Ложного потому, что действия подхваченных ею людей вели страну к гибели. Спасти Россию от катастрофы могло только заключение мира (и неотлагательное проведение экономических и социальных реформ). Поэтому, на наш взгляд, истинными патриотами были Горький и те, кто вместе с ним выступал против войны, за скорейшее заключение мира. Подчеркнем, не за поражение России в войне (такой была позиция большевиков), а за скорейшее заключение мира»⁵⁰.

Только через сто лет после начала Первой мировой войны пришла пора восстановить доброе имя Горького.

¹ *Старый журналист [О.Л. д'Ор]*. Литературный путь дореволюционной журналистики. М.; Л., 1930. С. 131–132.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 26. С. 330.

³ Цехновицер О. Литература и мировая война. Л., 1938. С. 253–254.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 116. Далее ссылки на это издание даются в тексте: том и страница.

⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения. М., 1971. Т. 12. С. 225.

⁶ Там же. С. 230.

⁷ Киевская мысль. 1914. № 320. 20 нояб.

⁸ Публицистика М. Горького в контексте истории. М., 2007. С. 273. Статья впервые напечатана в этом сборнике с предисловием и комментариями И.А. Ревякиной.

⁹ Русская мысль. 1914. №12. С. 102.

¹⁰ Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 274.

¹¹ Там же. С. 269.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 270.

¹⁴ Там же. С. 289.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 173. См. также Архив А.М. Горького. М., 1976. Т. 14. С. 131.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. переписку М. Горького с А. Богдановым в сб.: М. Горький в зеркале эпохи: Неизданная переписка. М., 2010. С. 9–160.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 49. С. 340.

²⁰ Die Neue Zeit. 1914. N 1. 2 Okt.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 26. С. 104.

²² Там же. С. 97.

²³ Там же. Т. 35. С. 185.

²⁴ Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 307. Цикл опубликован полностью впервые с предисловием и комментариями Е.Н. Никитина.

²⁵ Там же. С. 308.

²⁶ Там же. С. 313.

²⁷ Там же. С. 316.

²⁸ Там же. С. 328.

²⁹ Единство. 1917. № 17. 18 апр.

³⁰ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / Вступ. ст., подг. текста и примеч. И. Вайнберга. М., 1990.

³¹ Новая жизнь. 1917. № 1. 18 апр.

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 328.

³³ Власть народа. 1917. № 1. 28 апр.

³⁴ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 203.

³⁵ Новая жизнь. 1917. № 78. 19 июля (1 авг.).

³⁶ Чуковский К. Современники. М., 1967. С. 148.

³⁷ Статьи В.Л. Бурцева одновременно печатались в нескольких газетах. См.: Речь. 1917. 7 и 9 июля; Русская воля. 1917. 7 и 9 июля; Речь. 1917. 13 июля и др.

³⁸ Революционный путь Горького по материалам Департамента полиции // Централархив. М.; Л., 1933. С. 121–122.

³⁹ Красная летопись. М.; Л., 1923. № 7. С. 82.

⁴⁰ Овчаренко А. Публицистика М. Горького. М., 1961. С. 370, 383.

⁴¹ Горький М. Несвоевременные мысли. С. 148.

⁴² Новая жизнь. 1917. № 198. 10(23) декабря.

⁴³ Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 371.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Шкловский В. Удачи и поражения Максима Горького. М., 1926. С. 18.

⁴⁶ Сталин И. Собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 283.

⁴⁷ Роллан Р. Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 136.

⁴⁸ Новая жизнь. 1917. № 78. 19 июля (1 авг.).

⁴⁹ Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 266.

⁵⁰ Там же. С. 291.

Первая мировая война в публицистике и прозе Леонида Андреева

Если бы Наполеон так же внимательно и остро разглядывал трупы убитых, как это делал хотя бы Гаршин, – едва ли бы он стал воевать, какие бы миражи величия и власти ни открывались перед его воображением.

Л. Андреев

Роль и место публицистики и прозы Л. Андреева в литературе военного времени отчетливо проявляются при социокультурном анализе проблемы «Русские писатели и Первая мировая война». На наш взгляд, в подобном подходе прежде всего нуждаются такие вопросы, как отношение Л. Андреева к войне, постижение ее бесчеловечности, видение писателем послевоенного мироустройства. Они и стали предметом нашего внимания.

Известно, что по отношению к Первой мировой войне русские писатели, как и другие деятели отечественного искусства, надолго были разделены на «оборонцев» и «пораженцев», «милитаристов» и «пацифистов», «националистов» и «шовинистов» и т. д. Внимание исследователей духовной жизни России военного времени привлекало не столько художественное и публицистическое творчество того или иного писателя, сколько его политическая позиция: поддержка или несогласие с большевистской линией, временные или принципиальные «заблуждения».

Следует заметить, что в силу «непопулярности» войны перед писателями возникли сложнейшие нравственные вопросы: что делать поэту – молчать (З. Гиппиус) или бить в набат (Л. Андреев), воодушевлять или успокаивать общество; в чем найти нравственную «укрепу» (А. Ремизов) для россиян; желать поражения